

© 2004 г.

П. П. ВЕЛИКИЙ, М. Ю. МОРЕХИНА

АДАПТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕЛЬСКОГО СОЦИУМА

ВЕЛИКИЙ Петр Панфилович - доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Институт аграрных проблем РАН, Саратов). МОРЕХИНА Марина Юрьевна - кандидат социологических наук, старший научный сотрудник того же института.

На фоне оптимистических заявлений правительственных чиновников о том, что аграрный сектор страны год от года вполне справляется то с севом, то с уборкой урожая, насущные вопросы жизни сельского населения остаются "за кадром". Лишь изредка СМИ демонстрируют картины распада прежнего уклада жизни и еще реже практик позитивных перемен. Действительно ли позитивных перемен на селе мало, или они не представлены на поверхности жизни? Что вообще нужно селу, сельским жителям? На что они могут, а на что уже никогда не могут рассчитывать в своем постколхозном существовании? Какие приемы адаптации выработаны на селе за последние десять лет жизни в условиях рыночного режима?

Попытаемся разобраться в этих вопросах, используя материалы сравнительного исследования в сельском регионе. Панельные исследования проводились в 1993, 1994, 1995, 1996 и 2002 гг. в четырех районах Саратовской области, репрезентативно представляющих поволжские сельские регионы по плотности населения, его социальному составу, удаленности от городов, природным зонам. Выборка квотная, ежегодно опрашивалось по 470-500 респондентов.

Среди множества социологических аспектов анализа сельского бытия первое место занимает проблема удовлетворения основных потребностей. Динамика ответов о смысле хорошей жизни обнаруживает группу ценностей социального благополучия (хорошее здоровье членов семьи, прочная семья, уверенность в завтрашнем дне), которым респонденты придавали с 1993 г. по 2002 г. все большее значение (табл. 1). Объяснение этой динамики вряд ли можно связывать с традиционно понимаемым законом возрастания потребностей, с тем, что за одним уровнем их удовлетворения с необходимостью следует другой, более высокий. Если это и происходит, то с очень небольшой долей сельского населения. За десять прошедших лет остаются неизменными следующие соотношения: 65% респондентов - "живут как все"; 30% - хуже многих; 4% - лучше многих других односельчан. Последний показатель возрос за 10 лет всего на 1,5%.

Что кроется за ответом "живем как все", собравшим мнения подавляющей части сельского населения? Обратимся к механизмам обеспечения материального благополучия сельской семьи в современных условиях. Общеизвестна истина, что (советская) сельская семья, какой бы статус она ни занимала, никогда не жила на зарплату, получаемую за труд в колхозе или совхозе, а всегда, даже при относительно неплохой оп-

Хорошо жить для Вас - это прежде всего (в % к числу опрошенных)

Характер ответов	1993	1994	2002
Меньше домашних дел, больше досуга	9,03	12,5	3,94
Хорошее здоровье членов семьи	65,6	72,4	82,7
Жить в городе	4,16	2,09	4,60
Желаемая профессия, должность	13,7	17,2	25,4
Прочная семья	48,7	52,1	55,0
Уверенность в завтрашнем дне	45,4	46,9	52,3
Хорошие отношения с окружающими	12,2	15,1	11,3
Безопасная экологическая обстановка	*	*	13,8
Заниматься любимым делом	12,5	18,0	16,6
Быть хозяином в своем доме	20,8	13,2	9,9

лате, связывала стратегию надежности выживания и реализацию жизненных проектов своих членов с семейным ("личным подсобным", как оно называлось в те времена) хозяйством. Однако формы экономической деятельности в рамках такого хозяйства не отличались рациональностью, редко были ориентированы на прибыль. Они остаются "растворенными" в широком контексте неформальных взаимодействий, часто поддаваясь лишь логике "как все, так и мы". Тем не менее, это выражение факта автономного приспособления к любым, не всегда предсказуемым событиям.

В том, что даже в селах, где базировались экономически крепкие колхозы и совхозы, сельское население не отказывалось от ведения семейного хозяйства, проявилась великая народная мудрость. Селяне испытывали за годы советской власти добрый десяток новаций, которые им навязывала власть: от всеобщей кукурузации, химизации до строительства многоэтажек, от бригад коммунистического труда до аренды и подряда. Главный социальный итог этого - отражение в сознании как игры, не заслуживающей доверия. Поначалу и аграрная реформа была воспринята аналогично предыдущим акциям власти. Но жизнь скоро убедила в том, что действительно настали новые времена, и вместо извечного вопроса недоукомплектования ферм и техники кадрами в крупхозах (АО, ТОО, СПК) обнаружилось другое: труд многих механизаторов, животноводов, агрономов, ветврачей, зоотехников оказался никому не нужен или если и нужен, то без оплаты.

Оценки своего благополучия по истечении десяти лет таковы: жить стало лучше - 7,2%; ничего не изменилось - 24,0%; стало хуже - 56,2%.

Исследователи трансформаций в разных посткоммунистических странах считают, что направление действительных перемен очень часто не соответствует ни векторам желаемых или декларируемых правящими кругами реформ, ни вызовам современности. Одной из причин этого является отсутствие целостности процесса модернизации, что особенно остро проявилось в результатах аграрной реформы [1].

По прошествии более 10 лет в сельском хозяйстве образовалось несколько укладов (агрохолдинги, частично долевые предприятия), в которых принцип долевой частной собственности последовательно реализован по всей вертикали производства: от низовых звеньев до аппарата управления. Сюда же входят фермеры, но удельный вес производимой ими продукции невелик - 3,7% [2]. Одновременно в сельском хозяйстве образовалось несколько своеобразных симбиозных форм, деятельность которых далека от проектов реформирования. Хотя они имеют формальный статус (АО, СПК и т.п.), но внутренние экономические и социальные связи напоминают советский колхоз, в котором своеобразно интегрированы само крупное хозяйство, община, крестьянские дворы, мелкий бизнес. По данным многолетнего исследования

села, проведенного под руководством В.В. Пациорковского, взаимная согласованность и доверие по стратегии поведения в рыночных условиях позволяют им не только существовать, но и производить до 10% всего объема продукции сельского хозяйства. Доля их среди других хозяйствующих субъектов также равна 10% [3].

Другой симбиозный тип - это так называемые смешанные предприятия, которым удается сохранить рентабельность производства, где организация труда поднялась над колхозным уровнем, так как применяется внутренний хозрасчет, подряд и аренда. Среди крупных товаропроизводителей их до 35%, вклад в производство продукции - 12% [3]. Еще 25% подобных крупных хозяйств имеют большие просроченные долги, зачастую арестованные банковские счета, хотя и они производят примерно 4% сельскохозяйственной продукции; со своими производственными коллективами здесь рассчитываются собственной продукцией. Около 20% крупных хозяйств являются банкротами (производят 2% сельскохозяйственной продукции) [3]. Села их базирования, особенно производственная и бытовая инфраструктура, находятся в полуразрушенном состоянии.

Итак, предприятия всех экономических укладов, вновь созданные в соответствии с идеями аграрного реформирования и освоившие рыночный режим жизни или кое-как приспособившиеся к нему, производят около половины всего объема сельскохозяйственной продукции. В то же время заметным сектором аграрной экономики стали семейные хозяйства сельских жителей (для 20% домохозяйств - это единственный источник занятости и выживания), причем не как результат реформирования, а скорее как следствие реализации человеческого потенциала села, который зачастую вопреки реальной аграрной политике занял вполне самостоятельную позицию среди других хозяйственных укладов, испытывая незащищенность перед коммерсантами-перекупщиками, трудности появления на городских рынках, где все "схвачено" мафиозными группами, поборы на дорогах со стороны работников милиции и др. Но именно в этом секторе более заметно, чем в крупных хозяйствах, происходит формирование новой рыночной культуры труда, способности к риску и социальной ответственности.

Семейное хозяйство оценивается сельским населением как источник надежности существования. Обратим внимание на соотношение следующих показателей социодинамики. Источники семейного бюджета за этот период изменились лишь в сторону увеличения доли тех, кто более высоко оценивает доход, получаемый от семейного хозяйства (28,8% - в 1994 г.; 39,0% - в 2002 г.). Удельный вес зарплаты уменьшился на 8%. Земельная реформа, по которой все жители села имеют право продавать или сдавать в аренду полученные пайи земли сельскохозяйственного назначения, пока не принесла существенных добавок в бюджет сельской семьи [4]. Всего 9% респондентов включили выплаты за земельный пай в перечень источников дохода, что в два раза ниже удельного веса пенсий стариков, которые делятся ею со своими взрослыми детьми. Причина в резком сужении объема сельскохозяйственной деятельности крупхозов, не испытывающих потребности в больших земельных угодьях.

Опасаются ли селяне вообще стать безработными? На этот вопрос утвердительно ответили 41,6% респондентов. Рост показателя по сравнению с 1992 г. - 6%, и столько же связывают свою жизненную перспективу (в случае потери работы) с семейным хозяйством. Такие варианты, как "организирую фермерское хозяйство", "открою частное предприятие", "перейду жить и работать в другое село" допускают на 100 респондентов от 2 до 5 человек.

На чью помощь рассчитывают сельские семьи в трудной жизненной ситуации? Этот вопрос, к сожалению, не ставился в анкете 1992 г. Данный пробел может быть оправдан только тем, что сами исследователи еще не полностью осознавали угрозу отчуждения селян от власти, которую готовило ему государство. В 2002 г. получено распределение (табл. 2), которое подтверждает ситуацию возникновения социальной пропасти между семьей, сельским сообществом, с одной стороны, и, с другой, теми структурами (муниципалитетами, руководством крупхозов), которые в риторике недавнего прошлого были "ответственны" за жизнь села. Правосознание селян за вре-

На чью помощь в трудной жизненной ситуации Вы можете рассчитывать?
(в % к числу опрошенных, 2002 г.)

Сельской администрации	2,6
Правления хозяйства	5,0
Соседей	14,7
Товарищей по работе	14,4
Друзей	21,7
Родственников	55,1
Только на самого себя	36,3
Другое	0,2

Таблица 3

**Какие права государство прежде всего должно обеспечить
сельскому жителю? (в% к числу опрошенных)**

Область права	1994	2002
На минимум необходимых жизненных средств	36,4	31,7
На работу и ее оплату по трудовому вкладу	66,4	64,3
На бесплатную медицинскую помощь	67,0	69,0
На бесплатное среднее образование	49,2	37,6
На отдых	22,6	9,2
На пенсионное обеспечение	40,4	37,2
На экологическую безопасность	*	11,8

мя аграрных реформ практически не изменилось, и его нельзя назвать патерналистски ориентированным (табл. 3). Примерно треть респондентов вообще не претендуют на права, которые обеспечивались бы государством, касающиеся адекватной оплаты их труда, на бесплатную медицинскую помощь, и всего 9,2% - права на отдых. Снижение этого показателя более чем в два раза можно оценить как "опривычивание" практик неравенства возможностей. Реклама, призывающая отдыхать на Кипре, в Таиланде или Египте, - для людей из столиц, сюжеты совсем из другого мира, к которому сельские в силу своей бедности не имеют, по их оценкам, никакого отношения. Сказанное позволяет сделать предварительный вывод о том, что преодоление проблем, за которые отвечали органы государства, целиком легло на плечи его жителей.

Функции социального капитала, как и в прежнее время колхозной жизни, выполняют межсемейные сети поддержки. Наиболее интенсивны и весомы по объему обмена между кровными родственниками - родителями, детьми, внуками. Немалую роль играет межсоседское общение. Однако в функционировании этих сетей произошли серьезные перемены. Во-первых, помощь эта не может распространяться на всех нуждающихся членов сельского сообщества, потому что не каждая семья может встроиться в нее на принципах возвратности и взаимности обмена благами. Во-вторых, симбиоз "личное подсобное хозяйство - колхоз", который десятилетиями исправно выполнял роль источника благ, распределявшихся в сетях межсемейной поддержки, претерпел серьезные перемены.

В течение не одного десятка лет дореформенного периода в деревне сложился и поддерживался центральной властью порядок существования сельских семей за счет перелива ресурсов колхозов и совхозов в собственность членов общины (локальной сельской общности), что засчитывалось в производственные издержки коллектив-

ных хозяйств. Формы перемещения ресурсов были весьма разнообразны: от приобретения продуктов по низким ценам, бесплатного распределения благ среди ветеранов и передовиков, до самовольного (криминального) присвоения. Колхозы и совхозы содержали на своем бюджете также большую часть социальной инфраструктуры. Хотя подобный симбиоз имел некую двусмысленную тональность, но другого пути советская аграрная политика не нашла, и крестьянство достаточно органично адаптировалось к нему.

В первые годы проведения аграрной реформы подобная практика еще сохранялась. К настоящему времени традиционный симбиоз: семейное подсобное хозяйство, общие вопросы функционирования сельской общины и сельскохозяйственные предприятия новых организационно-правовых форм - АО, ТОО, СХПК - крупхозов, практически распался. Причина заключается, с одной стороны, в рыночной рациональности, которой стали придерживаться руководители в новых условиях, с другой - в уменьшении масштаба крупхоза и снижении эффективности хозяйствования, трудностях адаптации к рынку. Такая ситуация подвигает крупхозы к поиску взаимовыгодных экономических связей с хозяйствами населения. Чтобы иметь оборотные средства, крупхозы идут на введение системы кредитования местным населением текущих расходов, включающую и процентные начисления и льготы по снабжению личного подворья кормами. Однако такой симбиоз невозможен в селах, где крупхозы убыточны. При "перекачке" в личный сектор менее 20% общественных ресурсов (из крупхозов) хозяйства населения не выживают, а более 30% - разрушаются коллективные хозяйства [5]. Как отмечают исследователи аграрной экономики, в настоящее время большую долю среди сельских производителей занимают формы хозяйствования, которые приспособились к жестким условиям рынка с деформацией внутренней структуры организации. Это так называемые консенсусные, смешанные общинно-хозяйственные образования разного уровня рентабельности, - от убыточных до полностью разорившихся, дающих тем не менее 50% объема сельхозпродукции [3]. Отношения крупхозов этой группы с общиной отличаются особой изобретательностью, где сочетаются модели внутреннего хозрасчета, подрядных отношений, аренды и малого бизнеса при отказе от взаимодействия с внешними субъектами рынка.

Эти модели, порожденные практиками, в массовой печати получают неоднозначные оценки. Одни считают позитивным, что сельскохозяйственные предприятия обходятся своими силами, ни перед кем не заискивают и не интегрируются, другие полагают: никакой консенсус крупхозов с крестьянскими домохозяйствами уже не спасет от появления зон, где не на чем пахать и нечего сеять.

Анализ бюджетов сельских семей показывает, что зарплата работников, занятых в зерноводческом хозяйстве (а это нынче в российских регионах основная отрасль сельского хозяйства; животноводством крупные хозяйства почти не занимаются, что компенсируется ростом этого вида в семейных хозяйствах селян) наполняет их примерно на 40%. Семьи преодолевают постоянное безденежье за счет семейного хозяйства, которое ныне совершенно некорректно в официальных документах и общественной риторике по-прежнему называется "личным подсобным". Крестьянское семейное хозяйство ныне стало основной формой самозанятости и выживания, в то же время это пространство для освоения рыночного хозяйствования. В нем происходит накопление адаптационных ресурсов к нынешним и будущим переменам.

В отношении к фермерам и ЛПХ сегодня нет достаточно четких правовых документов. К настоящему времени фермерские хозяйства производят незначительный объем сельскохозяйственной продукции. Между тем крестьянские семейные хозяйства, в которых занято (и больше нигде не работают) свыше 50% сельского населения и производят 51,5% продукции, что позволяет считать крестьянское семейное хозяйство самостоятельной формой, отличающейся от фермерского по масштабам, характеру собственности, социальному статусу. Необходимо устранить из существующих нормативных актов двусмысленность: частное фермерское хозяйство с наемными работни-

ками должно быть названо "фермерское хозяйство", а личное подсобное хозяйство - "крестьянское семейное хозяйство".

Крестьянское семейное хозяйство, или по прежнему наименованию ЛПХ, многократно рассматривалось многими исследователями под разными углами зрения. К словосочетанию личное подсобное хозяйство привыкли, и мало кто задумывается до сих пор о его алогичности и двусмысленности. Понятие "личное" достаточно многозначно. Если принять его толкование как производное от понятия "личность" (ансамбль общественных отношений), то очевидно, что хозяйство семьи достаточно далекое от него понятие. Хозяйство лишь функция личности. Другие словосочетания, например, "личные вещи", "личная жизнь" скорее характеризуют некие границы автономности и индивидуальности человека. Как видим, личное подсобное хозяйство не имеет прямого отношения к личности и не является аналогом личного как набора предметов "личного" обихода, личной жизни и т.п. Крестьянское семейное хозяйство, без которого колхозники просто не могли жить, по сути оставалось анклавом частной собственности, против которой и была направлена борьба советских властей. Придание такому хозяйству названия "личное" было попыткой смягчить неизбежное противоречие [6].

Семейные хозяйства селян четко разделились на товарные и потребительские. По данным В.В. Пациорковского, сегодня 9,3 млн. сельских домохозяйств (60%) ведут устойчивое мелкотоварное хозяйство. Они составляют около 30% всех домохозяйств села и производят примерно 27% общего объема продукции сельского хозяйства. В.В. Пациорковский справедливо называет это массовым (но официально непризнанным) фермерством или по крайней мере его стратегическим резервом [3]. Все это подтверждает необходимость более дифференцированной политики поддержки крестьянских семей, призванной учитывать сложившиеся ориентации экономически сильных дворов на фермерский уклад хозяйствования; средних - на производственный кооператив и подсобное семейное хозяйство; слабых - на натурально-потребительское ведение хозяйства и сдачу в аренду земельных паев. Но этот факт можно оценить и с позиции адаптации, т.е. очевидного свидетельства того, что на селе сложился значительный слой, который небезуспешно приспособился как к внешним институциональным предпосылкам, так и внутренним ситуациям вынужденной отстраненности от традиционной технологии использования ресурсов крупных хозяйств для поддержания своего благополучия.

Несколько замечаний относительно институциональных предпосылок ведения товарного семейного хозяйства. Вопрос, где и кому продать произведенную продукцию, здесь важнейший и давно требует регулирования, точнее оказания помощи сельским товарным домохозяйствам, этим "неорганизованным" кормильцам городского населения.

В странах, где реализуется действенная аграрная политика, фермеры, как это приходилось наблюдать автору в американском штате Миссури, не волнуются и даже не участвуют лично в сбыте продукции. Дневные заботы фермера ограничились кормлением коров, уборкой навоза и организацией механического доения. Молоко от 70 коров по трубопроводам ушло в большой резервуар, компьютер зафиксировал его количество. Подъехавший водитель молоковоза сбытового кооператива, с которым заключен договор, забрал молоко (без присутствия фермера), отвез в магазины.

Продажа продукции мелкотоварных семейных хозяйств ныне одна из болевых точек жизни российского села, потому что находится в стадии стихийной самоорганизации. Подавляющая часть сельских жителей бывает в городах несколько раз в год - 63%; несколько раз в месяц - 16,8%; 11% не ездят туда никогда. Цели поездок отражены в таблице 4, которая свидетельствует о том, что продавать продукцию ездят всего 5,7% (причем за последние 8 лет эта доля даже уменьшилась). Такую динамику можно объяснить рядом обстоятельств: 1) поездки в город требуют больших затрат (стоимость бензина, поборы на дорогах, психические перегрузки); 2) городские рынки давно и прочно "схвачены" мафиозными группировками, которые проводят селек-

С какой целью Вы обычно ездите в город?
(в % к числу опрошенных)

Цели поездки	1994	2002
Продать продукцию ЛПХ	5,9	5,7
К родственникам, друзьям	33,3	53,0
В медицинские учреждения	19,5	56,9
В учреждения культуры (цирк, театр и т.д.)	4,0	8,8
В учреждения бытового обслуживания	*	6,4
В церковь	1,5	1,3
На базар (за покупками)	44,8	3,3
По работе	12,1	2,4

Таблица 5

С какими суждениями Вы согласны?
(в % к числу ответивших, по годам)

Суждения	1993	1994	1995	2002
Жизнь принесла мне много разочарований	9,8	15,7	23,5	9,4
Я верю в улучшение своей жизни, в удачу	21,4	32,0	22,0	28,7
Я часто неуверен в себе, нахожусь в плохом настроении	*	9,6	9,0	3,1
В основном я доволен судьбой, получил довольно много от жизни	8,4	5,4	11,1	8,3
Я отношусь к жизни с оптимизмом, чувствую себя в ней уверенно	9,5	7,3	11,6	5,3
Меня сейчас почти ничего не интересует в жизни	16,4	8,2	4,1	1,8
Я очень беспокоюсь за будущее свое и близких	33,7	49,8	50,6	54,3
Ни с какими суждениями не согласен	9,0	3,8	2,9	0,4

цию - одним позволяют стать за прилавок, других заставляют продать продукцию оптом по непомерно заниженной цене. Сельским семейным товаропроизводителям остается ждать - не придут ли перекупщики, которые опять-таки навязжут заниженную цену против городской рыночной наполовину. Защитить крестьянина некому.

В пользу того, что значительная часть сельского населения несмотря на отмеченные трудности приспособилась к реальным условиям жизни, говорит динамика преобладающего социального настроения (табл. 5). Хотя за истекший период удельный вес ряда показателей, отражающих негативные состояния, либо остался неизменным, либо несколько возрос, нельзя не заметить свидетельств некоторого нарастания и позитивных моментов. За последние 5 лет сельяне окончательно поняли, что надеяться можно только на себя (а не на государство, колхоз или нынешний крупхоз): в два с половиной раза меньше набрала альтернатива "жизнь принесла много разочарований"; в три раза - "пребывание в плохом настроении" (наличие людей, испытывающих хандру, вообще не характерное явление на селе). Увеличилась доля верящих в улучшение своей жизни. Удельный вес испытывающих беспокойство за будущее свое и близких людей из года в год растет, и это, на наш взгляд, отражает помимо осознания социальной эксклюзии, в которую ввергнуто все сельское население, еще и личную ответственность за создание достойных условий жизни членов своей семьи. Из письма сельской пенсионерки: "Пенсию получаю 1100 рублей - и это на 5 человек. Хватает на газ, на свет, на соль и сахар, да внукам в школу - то на краску, то на лампочки, то на шторы - все это сейчас за счет детей. Скоро наверно и за отопление будут требовать. Зять мой в мае получил за пять месяцев работы 2,5 тысячи рублей. Держим три коровы, овец, 2 молодняка, 40 кур, свинью. Мясо сдать некуда, коммер-

Хотели бы Вы, чтобы ваши дети, внуки:
(в % к числу ответивших, по годам)

Варианты ответов	1993	1994	1995	2002
Получили высшее образование	57,3	64,0	62,8	65,2
Переехали жить и работать в город	13,5	12,1	19,8	33,0
Работали в сельском хозяйстве	27,1	22,4	18,3	3,3
Стали фермерами	7,6	5,2	3,2	2,4
Работали на частном предприятии	3,9	5,7	12,2	2,8
Открыли собственное дело	19,5	20,7	19,7	21,4
Вопрос ко мне не относится	2,9	4,8	9,0	2,0

Таблица 7

Есть ли у Вас возможность дать детям: (в % к числу ответивших, по годам)

Варианты ответов	1994	1995	2002
Неполное среднее образование	2,7	2,6	*
Полное среднее	20,7	23,5	9,9
ПТУ, ТУ, СПТУ	4,8	10,2	7,2
Средне-специальное образование	25,5	21,4	17,9
Высшее образование	27,8	26,0	11,2
Вопрос ко мне не относится	15,7	16,3	37,9

санты покупают по 30-35 рублей, а корма дорогие и купить их в своем кооперативе невозможно". Далее респондент сообщает, что приобретение телевизора обошлось этой семье в стоимость одного кабана и двух овец (январь, 2003 г.).

Можно уверенно утверждать, что в такой ситуации живут миллионы сельских семей. Реализация долгосрочных жизненных проектов их крайне затруднена, в этом убеждает динамика ориентиров по обучению детей (табл. 6, 7).

Фактор образованности занимает в ценностях большой вес: с 1993 г. по 2002 г. удельный вес тех, кто хотел, чтобы дети получили высшее образование, оставался неизменно высоким от 57,3% до 65,2%. А вот число тех, кто может это осуществить, почти в три раза меньше, в период, предшествующий 2002 г., когда показатель уменьшился в 6 раз. Что касается мест трудоустройства детей, то малое пространство приходится на сельское хозяйство (3,3% в целом; 2,4% на фермерство).

Таким образом, адаптация сельских жителей к рыночному механизму жизни и аграрная политика государства, которая сосредоточена пока безуспешно на поддержке новых экономических укладов, — два слабо увязанных между собой вектора. Негативные социально-экономические последствия реорганизации колхозов и совхозов привели к резкому сокращению числа сторонников проведенных преобразований. Если в 1993 г. 41,5% опрошенных считали, что реорганизация колхозов и совхозов необходима, то в 2002 г. этого мнения придерживались лишь 24,6%. Частота выбора альтернативы "жить стало хуже" повышается с ростом возраста респондента и снижается по мере повышения образования. При сохраняющейся ностальгии по колхозам и совхозам в 5 раз увеличилось число сельчан, не считающих АО и товарищества наиболее эффективными формами хозяйствования, и наоборот, возросла доля тех, кто уве-

рен, что наиболее эффективной формой хозяйства для села является индивидуальное хозяйство (фермерство) - с 14,5% в 1993 г. до 24,3% в 2002 г.

За прошедшие годы относительно стабильными остаются доли желающих вести фермерское хозяйство (18,8% - 1993 г.; 20,0% - 2002 г.), а также открыть собственное дело (30,6% и 33,0% соответственно). При этом значительные изменения произошли в отношении к работе "по найму у частных лиц" (на частном предприятии). Альтернативу "положительно" в 1993 г. выбрали лишь 24,5% респондентов, а в 2002 г. - 57,3%; "отрицательно" - 57,3% и 14,3% соответственно.

Результаты сравнительного анализа данных, полученных в 1993 и 2002 гг., свидетельствуют и о значительном снижении престижа сельскохозяйственной занятости в целом. При ответах на вопрос "Где Вы сами хотели бы сегодня работать?" наиболее популярной стала альтернатива "на несельскохозяйственном предприятии" (1993 г. - 8,8%; 2002 г. - 37,0%). Доля желающих работать в товариществе или акционерном обществе сократилась в 3 раза (в 1993 г. именно эту альтернативу респонденты выбирали чаще других). За 10 лет реформ число родителей, которые хотели бы, чтобы их дети работали в сельском хозяйстве, сократилось в 9 раз с 27,4% в 1993 г. до 3,0% в 2002 г. Одна из причин этого - усиление дисбаланса между ориентациями респондентов на высокие заработки и низкими возможностями сельскохозяйственных предприятий для материального стимулирования своих работников. Каждый второй из участников опроса отметил, что при выборе места работы наиболее важным для него является высокий заработок. В то же время, начиная с 1994 г. по уровню оплаты туда работники сельского хозяйства находятся на последнем месте среди отраслей отечественной экономики, и межотраслевой разрыв в размере заработной платы постоянно увеличивается.

В настоящее время сельские жители гораздо чаще, чем десять лет назад, в случае потери работы готовы устроиться на работу в ближайшем городе или переехать в город; каждый десятый из участников опроса считает такой переезд необходимым условием улучшения материального благосостояния своей семьи (в 1993 г. такого мнения придерживался лишь 1% респондентов).

Данные социологических исследований свидетельствуют, что на селе сформировалась группа вполне благополучно живущих людей. Респонденты, относящиеся к наиболее обеспеченным слоям сельского населения (в основном это преуспевающие фермеры, руководители и ведущие специалисты АО, СПХ), более высоко оценивают результаты реформ и изменения в их жизни, произошедшие за последние 10 лет. Каждый второй из них считает, что за последние 2-3 года благосостояние их семей улучшилось. Они уверены в том, что фермерство является одной из наиболее эффективных форм хозяйствования и хотели бы быть фермерами; почти в 3 раза выше стремление открыть собственное дело, более оптимистично оценивают свое настоящее и будущее. Испытывают большую удовлетворенность своей работой, возможностями для образования, отдыха, поездок в город. В то же время эта группа демонстрирует обособление от сообщества, в котором подавляющая часть людей живет бедно. Они значительно реже общаются с соседями, потому что их не удовлетворяет это общение, хотя хорошие отношения с односельчанами считают важным условием личного благополучия.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о трех фазах адаптации сельского населения к переменам, которые принесла ему аграрная реформа. 1992-1993 гг. - оптимистические надежды, связанные с активно пропагандируемыми новыми формами хозяйствования, задача имущественных и земельных паев. 1994—1995 гг. - крах ожиданий перемен в личной судьбе крестьянских семей, связанных с изменением форм собственности, осознание своей сиротской доли на фоне богатеев устроителей их жизни. 1996-2002 гг. - формирование автономных стратегий выживания, центральным звеном которого стало семейное хозяйство. Жизненные проекты (обучение детей в вузах, возможность переезда семьи в город) стали тесно увязываться с объемом того, что выращивается на своем подворье и может быть реализовано

на рынке. Каково будущее села на фоне происходящих там ныне противоречивых процессов? Если динамика, характерная для последнего десятилетия, сохранится, то село вряд ли выживет. Так, лишь 7% опрошенных замечают возрождение села, 74,6% говорят о его медленном вымирании.

Экономика страны в последние годы несколько укрепилась, хотя, как отмечал президент в ежегодном послании Федеральному Собранию, мы еще не достигли уровня 1989 г. Многие исследователи полагают, что российское село по своему потенциалу отброшено еще дальше - на 30 лет, откуда оно самостоятельно вряд ли выберется. Отдельные оазисы, особенно в национальных автономиях, несомненно, тоже останутся, но будущее все-таки определяется тем, как поведет себя большинство. Укрепление экономики пока связано с городами, где создаются новые рабочие места, повышается оплата труда, и это серьезная предпосылка массового исхода сельского населения из деревни. Ныне этот процесс пока сдерживается дороговизной жилья. Когда будет введен другой механизм, позволяющий семье строить жилье на доступных условиях, что является стратегической задачей федерального центра, сельское население этим несомненно воспользуется. Видимо те, кто "набрал жирку" на удачной реализации продукции мелкотоварного хозяйства, первыми покинут село. Останутся неадаптивные слои - пенсионеры, инвалиды, сельский люмпен. Фермеры скорее всего не будут массово мигрировать, т.к. они достаточно обременены собственностью, земельными наделами, чтобы легко со всем этим расстаться. Но это только гипотезы, требующие проверки новыми исследованиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Заславская Т.И.* Посткоммунистические трансформации в свете классических теорий развития // Россия, которую мы обретаем. Новосибирск: Наука, 2003. С. 28.
2. Россия в цифрах. 2002. М.: Госкомстат России, 2002. С. 204.
3. *Пацюрковский В.В.* Сельская Россия: 1991-2001 гг. М.: Финансы и статистика, 2003.
4. *Великий П.П., Елютина М.Э.* Старики российской деревни. Саратов: Степные просторы, 2000. 128 с.
5. Экономика сельского хозяйства. 1999. № 7.
6. *Великий П.П.* Социологические аспекты развития крупных и малых хозяйственных форм на селе // Предпринимательство в России: теория и практика. Материалы III Чайновских чтений. М.: РГТУ, 2003.